

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS

УДК 316.342

СТИЛЬ ЖИЗНИ И КУЛЬТУРА РАБОЧЕГО КЛАССА В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО КЛАССОВОГО АНАЛИЗА WORKING CLASS CULTURE AND LIFESTYLE IN THE DISCOURSE OF AMERICAN AND EUROPEAN CLASS ANALYSIS

Т. В. Гаврилюк
T. V. Gavriuliuk

Ключевые слова:

*классовый анализ; культурные исследования;
критическая теория; рабочий класс; культур-
ные практики; репрезентация*

Key words:

*class analysis; cultural studies; critical theory;
working class; cultural practices; representation*

Введение

Современный классовый анализ берет свое начало из двух классических концептуальных схем — К. Маркса и М. Вебера. Для данных парадигм характерна схожая трактовка класса как результата социального отношения субъектов к ограниченным ресурсам, в свою очередь, формирующего общность их материальных интересов, различия стратегий получения дохода и образа жизни. В послевоенный период доминирующие линии классового анализа, представленные подходами Т. Парсонса, Дж. Голдторпа и Э. О. Райта, также следовали структуралистской логике анализа, концептуализируя классовое неравенство как производную экономических отношений. Конвенциональный подход в его структурно-функциональном и неомарксистском варианте, однако, был подвергнут критике за редукцию классовой дифференциации общества к структуре родственных связей, игнорирование гендерного неравенства, излишнюю абстрактность классификационных схем, игнорирующих социальную и культурную субъектность людей. Значимой альтернативой структуралистским объяснениям становятся культурориентированные подходы к определению классов посредством выявления различий жизненных стилей, способов конструирования идентичности, укорененных в сознании классово детерминированных поведенческих паттернов и их воплощении в индивидуальном и коллективном действии. Особую актуальность культурориентированный классовый анализ приобретает в современных реалиях. Различные варианты данной исследовательской программы позволили сохранить концепт класса, отстоять правомерность и целесообразность его дальнейшего использования в социально-гуманитарных науках.

Цель, структура и методология исследования

Исследование носит теоретический характер и опирается на метод сравнительного анализа текстов. Обзор основных концепций представлен в хронологической перспективе и сопровождается уточнением исходной аксиоматики рассматриваемых подходов. Главная цель работы — обоснование специфики и значения различных подходов к анализу культурной субъектности рабочего класса в западной социологии и культурных исследованиях (cultural studies), начиная со второй половины XX в. по настоящее время. Кроме того, производится экспликация базовых понятий современного классового анализа, ра-

крывается их связь с другими категориями и понятиями в языках описания различных теоретических подходов. Динамика взглядов на рассматриваемый предмет обуславливает структуру работы: первая часть посвящена интеракционистской перспективе классового анализа, концептуальной схеме П. Бурдье и британской традиции *cultural studies* как основным подходам, формирующим концептуальные рамки современного культуроориентированного классового анализа; вторая часть отражает теоретические вызовы постмодернистского периода и ответы на них; в заключительной части рассматривается проблематика новейших исследований в сфере культурного производства и потребления представителей рабочего класса, а также их символической репрезентации в медиапространстве.

Исследование культурной субъектности рабочего класса: базовые концепции

Одной из первых значимых альтернатив структурно-функциональной и материалистической модели анализа классовой культуры является *интеракционистский подход*, основания которого изложены в программной статье И. Гофмана «Символы классового статуса» (1951). И. Гофман не дает определения социального класса, сосредотачиваясь на символическом аспекте социального взаимодействия между представителями разных групп. Ключевым является понимание социальной дифференциации как совокупности дискретных уровней престижа и привилегий, доступ к которым ограничен наличием комплекса определенных социальных качеств [1]. Определяя социальный статус через синхронизированный обмен впечатлениями в ситуации повседневного взаимодействия, И. Гофман полагает, что занимающие схожую позицию люди обладают одинаковым паттерном поведения, при этом «каждый элемент поведения лица является знаком его социальной позиции» [1]. Инструментами, обеспечивающими управление впечатлением, производимым в коммуникативных ситуациях, и способствующими закреплению ролевых сценариев взаимодействия, являются статусные символы [1]. Он вводит различие статусных символов, являющихся социально маркированными знаками идентичностей, и коллективных символов, служащих, напротив, отрицанию различий и утверждению солидарности сообщества. Статусные символы категоризируют реальность, способствуя идентификации, а также обладают экспрессивным значением, то есть выражают «точку зрения, стиль жизни и культурные ценности лица, которое его производит» [1]. Данные символы основаны на «социальном стиле», складывающемся из множества действующих одновременно компонентов и ответственных за восприятие и интерпретацию манеры поведения человека. «Стиль и манеры класса, следовательно, психологически не подходят тем, чьи жизненные переживания имеют место в другом классе» [1]. И. Гофман подробно анализирует ограничительные механизмы, которые накладываются на неконвенциональное или неуместное использование символов, способы снятия данных ограничений и практики переприсвоения символов. Внимание акцентируется также на необходимости анализа процесса циркуляции символов в ситуациях классовой мобильности, способах поддержания их роли для высших классов роли с помощью труда «охранительных групп», куда входят «домашняя обслуга, модельеры и модели, художники по интерьеру, архитекторы, преподаватели в сфере высшего образования, актеры и всевозможного рода художники» [1].

Теория И. Гофмана не стала востребованным инструментом классового анализа, так как проводимые в ее рамках эмпирические исследования лежали в русле микросоциологии и их результаты не позволяли представить обобщение на уровне масштабных социальных структур. Однако культурологическое понимание стилей жизни как оснований классового статуса нашло отражение в концептуальной схеме П. Бурдье, объединившей коммуникативную перспективу символического интеракционизма со структурным анализом и ставшей впоследствии одной из наиболее влиятельных теорий рассматриваемого периода, в том числе и в рамках классового анализа.

Как и К. Маркс, П. Бурдье полагал, что чем более капитализм приближается к своей чистой форме, тем более непроницаемыми становятся обусловленные собственностью классовые границы [2]. Однако декларируемая в марксистской традиции центральная

роль экономического капитала в культурноориентированной перспективе сменяется многомерным анализом различных форм капитала, обеспечивающих синергетический и кумулятивный эффект и закрепляющих позиции актора в социальной структуре. Классовые границы в концепции П. Бурдьё воспроизводятся практиками, посредством которых люди продуцируют различия и осуществляют коллективно разделяемые легитимации окружающего мира. В классической работе «Различение. Социальная критика суждения» (1979) П. Бурдьё исследует отношение между культурными вкусами людей и их классовой принадлежностью, подчеркивая, что классовая дифференциация основана на общем объеме капитала, понимаемом как «совокупность ресурсов и власти, которыми можно реально воспользоваться: экономический капитал, социальный капитал, культурный капитал» [3].

Положение каждого класса и классовая идентичность индивида или сообщества определяется не только исходя из их внутренних характеристик, но прежде всего реляционно, как место в системе условий существования. Занимая те или иные позиции в социальном пространстве, агенты производят практики и осуществляют их повседневное структурирование и классифицирование, формируют представление о социальном мире и наделяют его значением, сигнифицируют социальное пространство, превращая знаки в конвертируемый вид капитала. П. Бурдьё использует понятие «габитус» для обозначения порождающего принципа и системы классификации, способного как производить практики определенного рода, так и классифицировать и различать эти практики и их продукты. Различные условия существования порождают различный габитус, что, в свою очередь, детерминирует дифференциацию классов через различие стилей жизни как совокупности практик и социально маркированных знаков. На основании общности габитуса и единого поля взаимодействия в рамках схожих социальных условий практики и продукты практик каждого агента синхронизированы с практиками других агентов, принадлежащих к данному классу, образуя общность стиля жизни [3].

Основным механизмом воспроизводства класса является различение на основании суждения вкуса. При этом базовая оппозиция обусловлена дистанцией от сферы необходимости — «между вкусом к роскоши и вкусом от нужды» [3]. Несмотря на буржуазное происхождение понятия «вкус», П. Бурдьё полагает, что рабочий класс также им обладает: «у них есть вкус к тому, на что они так или иначе обречены» [3]; то есть выбор в данном случае определен негативно, через «лишение» и навязан условиями существования людей. Стигматизация и социальное исключение рабочего класса наиболее отчетливо иллюстрируется следующей цитатой: «почти не обладая знаниями или манерами, имеющими ценность на рынке академических экзаменов или светских бесед..., они становятся теми, кто “не умеет жить”, кому больше других приходится тратить на материальную пищу, притом на самую тяжелую, грубую и полнящую, как хлеб, картофель и жиры, а также на самую простую, как вино; кто меньше других тратит на одежду и на уход за здоровьем, на косметические товары и заботу о внешности, кто “не умеет отдыхать”, “кто всегда должен что-то делать”; они ставят палатки в переполненных кемпингах, устраиваются для пикника на обочинах шоссе, стоят в пробках в своих “Renault 5” или “Simca 1000”, отправляясь в отпуск, предаются развлечениям, специально для них придуманным инженерами массового культурного производства. Посредством этих внушенных предпочтений они подтверждают классовый расизм, будучи уверенными, что они лишь имеют то, что заслуживают» [3]. Также характерной чертой повседневного стиля жизни рабочего класса, по мысли автора, является базовая ценность существования в настоящем — единственно возможная этика «для тех, у кого нет будущего, или чьи ожидания от него крайне малы» [3].

Анализируя соотношение расходов на питание, заботу о внешности и культурные расходы, гендерные роли, степень и характер формализации практик повседневного взаимодействия в различных ситуациях, отношение к телесности, манеры и речь, выбор

одежды, различия внутрисемейных и ориентированных на посторонних людей поведенческих паттернов, П. Бурдье очерчивает пространство стилистических возможностей и ограничений, встроенных в габитус и составляющих основу стиля жизни того или иного класса. Развитие своей методологии, впоследствии воплотившееся во множестве эмпирических исследований, он видит в выстраивании формулы габитуса, раскрывающей, с одной стороны, характерные черты стиля жизни, а с другой — ограничивающих систему возможностей для каждого класса. Достигается это посредством уточнения диспозиций данного классового габитуса в каждом конкретном поле (спорт, музыка, питание, политика, язык и т. д.).

Еще одной базовой для нашего исследования объяснительной схемой является неомарксистская концептуализация культуры рабочего класса в британской традиции *cultural studies*. Значимая альтернатива структурному марксистскому подходу была создана не в сфере социологии, а в близкой области культурной истории. И. П. Томпсон, и его опубликованная в 1963 г. работа «Становление английского рабочего класса» существенно повлияла на англоязычный дискурс классового анализа. Он предлагает историческое, реляционное и культурное определение класса, которое противоречит статичному марксистскому определению: «Я не рассматриваю класс как структуру или категорию, но как что-то, что случается (и может проявляться как случившееся) в человеческих отношениях» [4]. Идеи И. П. Томпсона в совокупности с постулатами гегельянского неомарксизма А. Грамши легли в основу исследований Бирмингемской школы культурных исследований. В оппозиции элитистской трактовке Франкфуртской школы, лишавшей пролетариат активной агентности ввиду наличия у них ложного сознания как продукта идеологической манипуляции со стороны культурных индустрий, британские ученые отстаивали идею обоснованности практик сопротивления молодежи рабочего класса культурной гегемонии буржуазии. Основатели поля *cultural studies* Р. Уильямс и Р. Хоггарт анализировали жизненный опыт людей, исключенных из публичного и академического дискурса. Значительное число их ранних работ посвящено переопределению социальных категорий в период после Второй мировой войны в связи с увеличивающимся благосостоянием рабочего класса. Ключевой для них являлась идея того, что представители рабочего класса обладают развитым самосознанием и способны конструировать собственное культурное и политическое поле в трудных социальных условиях.

Идея пассивной агентности угнетенных была развита в работе П. Уиллиса «Учиться труду» (1977), посвященной сопротивлению гегемонии посредством креативных практик потребления и неконвенционального использования товаров. Попытка рабочей молодежи отличаться как от родительской культуры рабочего класса (главными проблемами которой были бесперспективная работа или безработица, алкоголизм и семейные проблемы), так и от доминирующей буржуазной культуры, представленной законодательной системой и моральными нормами, привела, по мысли П. Уиллиса, к возникновению первых молодежных субкультур в послевоенной Великобритании. Рабочая молодежь находила возможности для самореализации лишь в рекреационном пространстве деятельности, в досуговых формах активности, однако в реальной социальной жизни она вынуждена была возвращаться в профессиональные училища и на бесперспективную работу [5]. В работах Дж. Кларка, С. Холла и Т. Джефферсона субкультура также рассматривалась как форма ритуального сопротивления, символически репрезентирующая борьбу классов: «наиболее фундаментальные группы общества являются социальными классами, а основные культурные формы будут являться «классовой культурой» [6]. Субкультуры и классы, таким образом, разделялись лишь аналитически, по сути, оставаясь двумя аспектами — культурным и экономическим — одного исследуемого явления.

Стиль рассматривался британскими исследователями как символический ресурс, позволяющий молодому человеку из рабочей среды изолировать себя от норм и требований доминирующей культуры или же открыто противостоять им. Стилиевой подход, осно-

ванный на семиотическом анализе, деконструировал общепринятые в теориях девиации значения, приписываемые субкультурным объектам или деятельности субкультурных групп рабочей молодежи. Исследования Бирмингемской школы показали, как в рамках борьбы между буржуазией и пролетариатом за социальную власть субкультуры присваивали существующие смыслы массовой культуры и искусства, наполняя их новым значением. Это зачастую происходило посредством потребления одежды, музыки и других товаров сферы досуга [7].

Исследования Бирмингемской школы строились вокруг проблематики культурного сопротивления рабочего класса, наличия или отсутствия возможности у угнетенных групп изменить сложившуюся систему эксплуатации. Классы отождествлялись с большими социальными группами и конструировались как объективные и гомогенные единства, превращаясь в метатеоретическую абстракцию. Подобный подход не давал объяснения того, как различные субкультуры, имея происхождение из одного и того же рабочего класса, используют разные наборы символов в своем сопротивлении доминирующей культуре. Игнорировалось и то, что субкультурная молодежь в действительности говорит или делает. Избегая этнографического погружения в поле, ученые концентрировались на «прочтении» их сопротивления в стиле и ритуале [8].

Несмотря на наличие определенных ограничений, рассмотренные выше подходы заложили основу анализа культуры рабочего класса посредством анализа субъективных смыслов индивидуального и коллективного действия, специфики символического обмена, форм культурного капитала и его реализации в различных практиках, оснований солидаризации рабочего класса в его сопротивлении доминирующей культуре.

Упадок и возрождение классового анализа: конец 1980-х — 2010-е гг.

Постмодернистский и культурный повороты социальной теории в 1980-х гг. поставили под угрозу как конвенциональные подходы к классовому анализу, так и целесообразность использования термина «класс» в изменившихся социальных реалиях. Последствия деиндустриализации, распад сложившихся культурных иерархий, растущая индивидуализация потребительских практик и диверсификация жизненных стилей позволили ряду исследователей утверждать о распаде классовой структуры обществ в эпоху позднего модерна. Класс переходит в категорию «зомби-концептов», не отражающих более реальных коллективных идентичностей, а озабоченность экономическим и социальным неравенством сменяется декларированием равенства на основе различия. Американские исследователи, что оставались верны классовому анализу (например, Дж. Голдторп), сосредоточились на построении абстрактных классификационных моделей на основании количественных данных и поиске критериев определения классового статуса. Британская традиция *cultural studies* к концу 1980-х гг. также утратила лидирующие позиции, уступив интеллектуальное пространство категориям континентальной философии и социальных наук. Исследователи бурдьевистской школы в рассматриваемый период оставались верны концепту класса, однако старались переписать свои концептуальные модели с учетом тенденции к индивидуализации. Постмодернистский взгляд на интересующую нас проблематику сводился к декларированию симуляционной природы конвенциональных определений больших социальных групп, в том числе и рабочего класса. Например, К. Доран, основываясь на неофрейдизме и идеях Ж. Бодрийяра, рассматривает смерть телесно воплощенного коллективного опыта рабочего класса и последующее воскрешение в качестве симуляционной модели в конце XX века [9]. На протяжении последнего столетия, утверждает ученый, рабочий класс трансформировался в дискурсивно кодированную единицу, и лишь официально сконструированная версия их реальности принимается научным сообществом. Спонтанные же формы сопротивления представителей рабочего класса воспринимаются только в трансформированной марксистскими риторическими схемами оптике.

К концу 1990-х — началу 2000-х гг. ряд исследователей представили убедительную

критику постмодернистского подхода на основании отсутствия внимания к глобальным властным диспозициям. Кроме того, призыв к отказу от использования классовых терминов в изучении жизненных стилей и практик конструирования идентичностей, сопровождаемый мультикультуралистской направленностью политики Западной Европы и США, актуализировал вопрос статуса традиционного «белого рабочего класса». Уклон академического дискурса и активность общественных организаций в отстаивании прав меньшинств вкупе с нарастающей стереотипизацией и демонизацией в медиа белых мужчин рабочего класса привели к тому, что его представители ощущали свою маргинальность в культурном пространстве. Данные тенденции обусловили возрождение интереса к классовой проблематике в Великобритании и США в конце 1990-х годов. Группа исследователей, объединенных серией семинаров и конференций на базе Манчестерского университета (В. Боттеро, Р. Кромптон, М. Сэвдж, Ф. Дивайн и др.), как и их коллеги из г. Янгстауна в США (Ш. Л. Линкон, Дж. Руссо, М. Цвейг, Б. Фоли и др.), ставили перед собой задачу расширения границ теоретического осмысления класса, включив в него проблематику идентичности и стиля жизни в изменившемся культурном ландшафте, но при этом не отвергая идеи материального базиса классовых структур. Т. Стрэнглмэн, подводя итоги дискуссии, отмечает, что к началу 2000-х гг. был достигнут определенный консенсус, выраженный в следующих основных положениях:

- Класс по-прежнему является центральной аналитической категорией, существование неравенства как результата неравномерного распределения власти и экономических ресурсов внутри масштабных социальных структур не подвергается сомнению и является априорной предпосылкой исследований.
- Необходимо сконцентрировать внимание на понимании субъективных смыслов классовой идентичности, при этом не сводя классовые интересы к индивидуальным интересам акторов.
- Необходимо признать, что категории *cultural studies* должны играть значимую роль в классовом анализе [10].

В 2004 г. в США была образована «Ассоциация исследований рабочего класса», объединяющая авторов, работающих в данном русле. В этот же период на стыке общественно-политического активизма и академической традиции происходит становление «*new working class studies*» как междисциплинарной площадки для дискуссий, нацеленных на решение практических задач. Прикладная ориентация проекта обуславливает открытость различным концептуальным, идеологическим, локальным формам изучения жизненных практик рабочего класса и предполагает использование методологических возможностей различных областей знания — социологии, культурной антропологии, истории, социальной географии, литературоведения и др. Основатели проекта Ш. Л. Линкон и Дж. Руссо заявляют о достижении консенсуса в использовании категории «класс» как производной властных отношений, базирующихся на экономической позиции, и формирующих индивидуальность акторов, их культуру и интересы. С одной стороны, исследуются структурные основания антагонизма интересов и неравенства людей, занимающих разные позиции в капиталистической экономике, как на примере отдельных кейсов, так и в широком контексте экономических, социальных и политических конфликтов и изменений. С другой стороны, представляют интерес аспект классовой культуры, микроуровень анализа, позволяющий выявить условия, перспективы, жизненный опыт представителей рабочего класса, как люди выражают и воплощают классовую культуру в реальных действиях. Тем самым концепт «класс» используется как априорная категория для изучения социальной структуры и как термин, описывающий общеразделяемые ценности и практики людей, имеющих общий жизненный опыт [11]. Артикулируется центральная роль качественных методов полевых исследований, таких как глубинное интервью, включенное наблюдение, автоэтнография, устная история, различные формы исследования медиа для реконструкции жизненного опыта и первичных интерпретаций лю-

дей. New working class studies декларируют в качестве своей миссии служение интересам реальных людей и создание условий для позитивных перемен в жизни рабочих, налаживание и укрепление связей между академическим сообществом, профсоюзами и другими общественными организациями, нацеленными на достижение справедливости для рабочего класса. Реализуется данная программа посредством активного взаимодействия с рабочими, представления и реализации их интересов (например, педагогическая деятельность в рабочей среде, гражданский активизм, активная популяризация исследовательской проблематики посредством создания визуального контента, фильмов и блогов и др.).

Вышеописанные тенденции характеризуют большую часть исследований, солидаризирующихся с полем new working class studies. Однако, несмотря на декларирование когерентности этого социального и академического проекта со стороны его основателей, данный вывод остается дискуссионным. Ряд авторов не согласны с позицией Дж. Руссо и Ш. Л. Линкон о достижении консенсуса в интеграции культурального и структурного подхода в исследовании жизненного опыта, практик смыслопроизводства и коллективных действий людей, занимающих сходное положение во властных и экономических структурах. Например, Э. Шокит утверждает, что напряжения между этими двумя теоретическими полюсами сохраняется как отголосок длительного противостояния между школами структурного неомарксизма Л. Альтюссера и культуральным неомарксизмом И. П. Томпсона [12]. То есть дебаты по поводу доминирования активной агентности представителей класса или социально-экономической детерминированности их положения и образа жизни превращаются в дебаты относительно направления и стратегии исследования.

Культурориентированный анализ нового рабочего класса в 2000–2010 гг.

В целом американская и британская традиция, а также европейские исследования, ориентированные на традиции бурдьевистской школы, почти синхронно пытались дать ответ на схожие вызовы, возродив классовый анализ с учетом изменившихся социальных реалий и актуальных трендов академического дискурса. Сегодня они составляют единое исследовательское поле, активно обмениваясь результатами работы и расширяя географию с учетом возросшего в 2010-е гг. глобального интереса к активности нового рабочего класса. Для актуальных исследований характерны язык культурного поворота (cultural turn) как реакция на феминистский и постмодернистский вызов, акцент на анализе микрополитик различия внутри рабочего класса, применение аксиоматики теории интерсекциональности, исследование форм классовой идентичности, в том числе фрагментированных и гибридных, разнообразных культурных практик внутри рабочего класса и критическое отношение к неолиберальным реформам. Рассмотрим взгляды ведущих авторов в англоязычном дискурсе культурориентированных исследований рабочего класса.

Влиятельными в современной социологии остаются бурдьевистские концептуализации классовой культуры. Так, М. Сэвдж, комбинируя количественную и качественную методологию, исследует, как класс укоренен в индивидуальных ценностях, как индивидуальные идентичности поддерживают классовые идентичности, лежащие в основе масштабных социальных структур. Отвергая объяснительный потенциал классического марксистского метанарратива, он предлагает вместо утративших влияние категорий «классовое сознание», «экономическое неравенство» и «социальная мобильность» обратиться к понятиям культурных различий и индивидуализации, а также к терминологии организационных теорий, которые, по его мнению, были незаслуженно забыты социальными науками, но могут быть использованы в изучении смысла труда. «Падение иерархий» в эпоху неоменеджмента привело к неуместной озабоченности рабочего класса атрибутами жизненного стиля среднего класса, при этом структурные факторы, препятствующие реальному изменению классовой позиции, не принимались во внимание или сознательно игнорировались. Согласно результатам его исследований классовая дифференциация сегодня как никогда сильна, однако осведомленность людей о ее наличии продолжает сни-

жаться. Несмотря на слабость коллективных классовых идентичностей в настоящий момент, по мысли ученого, «люди продолжают определять свою персональную идентичность таким способом, который непосредственно вовлекает отношения сравнения с членами других социальных классов» [13]. В этом заключается его основная идея: сегодня классовые культуры возникают скорее как «модусы дифференциации, нежели как типы коллективности», то есть мы имеем дело с модусом негативной идентичности рабочего класса в его отличии от жизненного стиля и практик среднего класса [13]. В. Боттеро придерживается схожего с М. Сэвджем подхода и показывает, как воспроизводятся классовые поведенческие паттерны в сфере досуга, дружбы и карьеры, поддерживающие социальное неравенство. Она также подчеркивает, что, несмотря на продолжающееся воспроизводство схожего жизненного опыта внутри класса, данный вид дифференциации не осознается акторами, что препятствует формированию очевидной классовой идентичности [14].

Значимой работой последних лет, следующей методологическому фрейму П. Бурдье, является коллективное исследование «Культура, класс, различие» Э. Беннета, М. Сэвджа и др. Авторы исследуют паттерны культурного вкуса современных британцев в семи полях — музыка, чтение, визуальные искусства, телевидение, кино, спорт и питание вне дома. Фокусируясь на систематической гомологии данных полей, они исследуют дифференциацию форм культурной активности агентов в их рамках. Отказавшись от проводимого П. Бурдье различия между элитарной и массовой культурой, они акцентируют внимание на степени вовлеченности в культуру, проводя базовую дистинкцию между теми, кто включен в широкий спектр активностей, и теми, кто относительно отстранен от культурных полей и имеет ограниченный набор интересов. Основными аналитическими переменными являются вкус, степень участия в культурных практиках и набор знаний [15]. Авторы демонстрируют взаимосвязь этих характеристик с классовой принадлежностью индивидов, образованием, возрастом, гендером и этничностью. Результатом эмпирического исследования является классовая «культурная карта» современной Великобритании [15]. При этом исследование опирается на достаточно схематичную трехуровневую модель: класс профессионалов и администраторов (*professional-executive*) — около 24 %, промежуточный класс (*intermediate class*) — 30 % и широкий рабочий класс (*working class*) — 46 % [15].

С. Чарльсворт в изучении рабочего класса комбинирует концептуальную рамку феноменологической философии с социологией П. Бурдье, иллюстрируя теоретические выводы обширным этнографическим материалом. Согласно его выводам культура в рабочей среде имеет прагматичный характер, представляя собой сферу практической вовлеченности, создания и использования объектов и идей. Жизненный мир рабочего — это не объективно заданная структура, он определяется характером социальных связей и практического знания, в которых действует субъект, обладающий габитусом. Дорефлексивное знание как способ бытия в мире отражает паттерны восприятия социального контекста, формирующиеся в процессе взросления в схожей социальной среде. И мир этот формируется в жестких реалиях непрерывных экономических ограничений и нужды, сдерживающих реализацию потенциала людей и ограничивающих горизонты ожидания. Ученый подчеркивает, что практическое знание рабочего класса, укорененное в их габитусе, более не релевантно современному миру, в котором доминируют неустойчивые связи, политика низких зарплат и необходимость постоянного переобучения. Институциональные пространства общеразделяемых ценностей, поддерживающие у рабочего класса чувство собственного достоинства и уважения окружающих, находятся в упадке, на смену им приходят инертность и иммобильность, культура насилия и неуважения, алкоголизация, наркотизация и потребительское отношение к сексу. Низкая самооценка, чувство фрустрации, подавленная агрессия, отсутствие надежды на какие-либо перемены — лейтмотив большинства нарративных интервью рабочих, представленных в книге исследователя.

Отдельно анализируя язык и невербальное поведение рабочих, С. Чарльсворт подчеркивает, что данные факторы также составляют один из главных барьеров, препятствующих социальному продвижению, так как в образовательной среде ценности и поведенческие паттерны рабочего класса являются неприемлемыми [16].

В модели Б. Скеггс «класс» занимает центральное место в формировании идентичности, телесных практик, сигнифицирующих моральных маркеров и оснований «само собой разумеющегося» нерerefлексивного знания. Ученый поднимает вопрос конструирования современного классового нарратива в неолиберальной риторике с использованием эвфемизмов — «культура бедности», «социальное исключение» и т. д. Укорененные диспозиции, воплощаемые в манерах, походке, позах, телесности представителей рабочего класса являются формой капитала, сигнифицирующей и транслирующей классовые идентичности и воплощающей собой барьер на границе со средним классом. Также анализируются специфические формы культурного капитала — досуговые практики, которые не переходят в средний класс (например, в британской культуре лотереи, собачьи бега, дарте) и потребительские практики, касающиеся одежды, музыки и еды. Представители рабочего класса имеют ограниченный доступ к накоплению необходимого для перехода в средний класс символического капитала ввиду непропорциональной доступности культурных ресурсов для привилегированных, неравноправия в доступе к ресурсам создания «самости» [17]. В других работах Б. Скеггс, наряду с бурдьевистской оптикой, находит воплощение ракурс анализа критической теории, в частности в изучении проблематики репрезентации, трактуемой в терминах символического насилия со стороны доминирующих классов. Негативные репрезентации рабочего класса в медиа, интернализируемые его представителями, являются еще одним барьером для изменения классовой позиции, наряду с различиями культурного и символического капитала. Символическое противодействие подобным изображениям, как и делинквентное поведение, рассматриваются как аспект классовой борьбы [18].

Анализ конструирования стереотипов как средства утверждения культурной гегемонии среднего и высшего классов представлен также в работах Д. Кенделл. Она показывает, как мейнстрим-медиа, игнорируя структурные причины бедности, фокусируются на индивидуальных жизненных ситуациях, смещая тем самым бремя ответственности со структурных механизмов подавления на отдельных людей, неспособных адаптироваться к современным условиям [19]. Бедность представляется патологической, являющейся следствием индивидуальной неуспешности, бедные люди презентуются как «другие», зависящие от пособий, неконтролируемые и в целом дисфункциональные для системы [19]. Схожая проблематика представлена и в работах С. Аттфилд. Она доказывает, что идеи респектабельности и достойного поведения становятся средством контроля над рабочим классом, в особенности над колонизированным африканским населением [20].

Исследования американского социолога Дж. Мерцгера посвящены анализу последствий деиндустриализации и проблеме ностальгии по утраченному образу жизни рабочего класса индустриального общества. Тридцать лет после Второй мировой войны ученый называет «золотой эрой» не только американского рабочего класса, но и наемного труда как такового. Сегодня же доминирующая культура активно дистанцируется от образа жизни и культуры рабочих, новые поколения среднего класса неспособны обнаружить привлекательные черты в их ценностях, образе жизни и специфике жизненного пути, учиться у них и заимствовать определенные культурные элементы, как это было в эпоху индустриального подъема, что вызывает у представителей рабочего класса ощущение фрустрации и отчуждения, ретроориентированные ценностные модели [21].

О. Джонс также анализирует последствия неолиберальной политики для британского рабочего класса, привлекая внимания к вопросам экономической несправедливости и расширяющейся сферы предрассудков относительно этой социальной когорты. Неолиберальный миф, заложенный в основу политики М. Тэтчер, декларировал тотальную сво-

боду и автономию индивида, его полную ответственность за свою судьбу. О. Джонс полагает, что исчезновение термина «класс» из общественно-политического дискурса является следствием данной политики, базирующейся на идее всеобщей эмансипации и индивидуализации и конструирующей бедность как результат личной несостоятельности. Она полагает, что в подобных условиях усиливающейся социальной поляризации и стигматизации низших слоев населения необходимо реабилитировать понятие классового анализа. Термин «рабочий класс» для нее — это критическая, а не дискриптивная категория, обозначающая не просто позицию в социальной иерархии, а нехватку ресурсов внутри отношений производства. О. Джонс исследует то, как «ненависть к людям из рабочего класса стала социально приемлемой» [22]. Изучая риторические стратегии, легитимирующие классовые предрассудки, она фокусируется на понятии «chav», которое в Великобритании ассоциируется со всеми негативными чертами, приписываемыми рабочему классу — насилие, лень, подростковая беременность, пьянство и т. д. [22]. Причины сложившейся ситуации она видит как в разрушении политическими и экономическими силами институциональных структур и сообществ рабочего класса, так и в использовании языка «политик идентичности», с помощью которого рабочий класс конструировался как этническая, а не экономическая категория. «Белый рабочий класс» (white working class) репрезентуется как носитель таких антиценностей, как расизм и мизогиния, неспособность адаптироваться к новой политике мультикультурализма и этническая нетолерантность, поэтому негативное отношение к его представителям не вызывает отторжения в обществе [22].

Заключение и план дальнейших исследований

Анализ теоретических подходов второй половины XX века демонстрирует неослабевающее внимание к культурным характеристикам индивидов и групп в качестве классовообразующих признаков. В отличие от классовых моделей, базирующихся на статистических данных, интеракционизм, Бирмингемская школа и конструктивистская версия структурализма П. Бурдьё предложили различные варианты методологии, направленной на понимание субъективных смыслов индивидуальных и групповых действий представителей рабочего класса. Преодолев концептуальный кризис 1980–1990-х гг., поставивший под сомнение релевантность использования рассматриваемого подхода в условиях неолиберальной политики и культуры постмодерна, современный классовый анализ существенно расширил свой концептуальный фрейм. Актуальная исследовательская повестка связана с проблематикой дифференциации и производства различий между классами и внутри них, исследованием механизмов взаимопересечения дискриминаций, порождающих множественную маргинализацию ряда групп внутри рабочего класса (женщин, представителей расовых, этнических и сексуальных меньшинств). В современных исследованиях наиболее актуальной остаются категории бурдьевистской социологии, на которые опираются исследования М. Свэджа, В. Боттеро, Э. Беннета, Б. Скеггс и других авторов. Неомарксистская традиция cultural studies, представленная Бирмингемской школой, находит свое развитие в современной критической теории как концептуальный фрейм для исследования механизмов культурного подавления и негативной репрезентации рабочего класса в медиaprостранстве (работы Дж. Мерцгера, Б. Скеггс, Д. Кендалл, С. Атфилд и О. Джонс). Феноменологический подход в сочетании с концептами П. Бурдьё, использованный в работе С. Чарльсворта, является оригинальной исследовательской программой, позволяющей наиболее глубоко понять жизненные смыслы и культурный опыт представителей рабочего класса. Представляется целесообразным использовать данную методологию в сочетании с рядом идей критической теории для эмпирического исследования жизненного мира нового рабочего класса современной России.

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

Библиографический список

1. Goffman E. Symbols of Class Status // The British Journal of Sociology. – 1951. – Vol. 2, № 4. – P. 294–304.
 2. Wright E. O. Class counts. – Cambridge University Press, 2000.
 3. Bourdieu P. Distinction. A social Critique of the Judgement of Taste. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
 4. Thompson E. P. The Making of the English Working Class, with a New Preface. – Harmondsworth, Middlesex, England: Penguin Books, 1980.
 5. Willis P. E. Learning to Labor: How Working-Class Kids Get Working-Class Jobs. New York: Columbia University Press, 1981.
 6. Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B. Subcultures, Cultures and Class. – London: Routledge, 1976.
 7. Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. – London: Methuen, 1979.
 8. Williams J. P. Youth-Subcultural Studies: Sociological Traditions and Core Concepts // Sociology Compass. – 2007. – Vol. 1, Issue 2. – P. 572–593.
 9. Doran C. The Working Class a Zombie: Simulation and Resistance in the late Twentieth Century // Canadian Journal of Political and Social Theory. – 1990. – Vol. 14, № 1–3. – P. 126–147.
 10. Strangelman T. Sociology, Social Class and New Working Class Studies // Antipode. – 2008. – № 40. – 2008. – P. 15–19.
 11. Linkon S. L., Russo J. Twenty Years of Working-Class Studies: Tensions, Values, and Core Questions // Journal of Working-Class Studies. – 2016. – Vol. 1, Issue 1. – P. 4–13.
 12. Schocket E. Working-Class Studies // Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society. – 2002. – P. 26–48.
 13. Savage M. Class Analysis and Social Transformation. – Buckingham: Open University Press, 2000.
 14. Bottero W. Stratification: Social Division and Inequality. – London: Routledge, 2005.
 15. Bennett T., Savage M., Silva E., Gayo-Cal M., Wright D. Culture, Class, Distinction. – UK, Routledge, 2009.
 16. Charlesworth S. A Phenomenology of Working Class Experience. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
 17. Skeggs B. Class, Self, Culture. – London: Routledge, 2004.
 18. Skeggs B. The Re-Branding of Class: Propertising Culture // Editors F. Devine, M. Savage, J. Scott. Rethinking Class: Culture, Identities and Lifestyles. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 46–68.
 19. Kendall D. Framing Class: Media Representations of Wealth and Poverty in America. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2011.
 20. Attfield S. Rejecting Respectability: On Being Unapologetically Working Class // Journal of Working-Class Studies. – 2016. – Vol. 1, Issue 1. – P. 45–57.
 21. Metzgar J. Nostalgia for the 30-Year «Century of the Common Man» // Journal of Working-Class Studies. – 2016. – Vol. 1, Issue 1.
 22. Jones O. Chavs: The Demonization of the Working Class. Verso, London, 2012.
 23. Zweig M. A place of Marx in Class Studies // Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society. – 2002. – P. 41–44.
-

Сведения об авторе

Гаврилюк Татьяна Владимировна,
к. социол. н., доцент, старший научный сотрудник, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

Information about the author

Gavriliuk T. V., Candidate of Sociology,
Associate Professor, Senior Researcher, Industrial
University of Tyumen, e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru